

События и образы прошлого в исторической и культурной памяти¹

Л.П. Репина

Всегда существует цепь событий, которые объединяют ситуацию сегодняшнего дня именно с тем событием, на которое опираются люди для того, чтобы объяснить себе и живущим рядом другим, кто они, каков образ их жизни, как они понимают отличие от себя других.

[Рюзен, 2005, с. 52]

Аннотация. Историческая память, как «короткая», охватывающая события непосредственного прошлого, так и «опосредованная», «долговременная», является неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества. А историческое сознание любой эпохи, выступая как одна из важнейших характеристик культуры, определяет присущий ей способ организации накопленного исторического опыта. В статье рассматриваются различные трактовки феномена памяти в области философии, психологии, филологии, культурологии. Основное внимание уделяется концепции надындивидуальной памяти, понимаемой как непрерывный процесс, в котором социум формирует и поддерживает свою идентичность посредством разных механизмов меморизации событий в общественном сознании и реконструкции «общего прошлого», всякий раз исходя из потребностей настоящего в соответствующей актуальной перспективе. Выступая равным образом как против отождествления истории и памяти, так и против абсолютизации их различий, автор предлагает обратиться к комплексному анализу рациональной, ментальной и эмоциональной составляющих того или иного «образа прошлого» и их соотношения на разных уровнях его формирования.

Ключевые слова: событие, социальная память, историческая память, прошлое, культура, историческое сознание, идентичность.

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, lorinarepina@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-01-00357а.

Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory

L.P. Repina

Abstract. Historical memory, “short” one, that embraces events of the immediate past, and “mediated”, “long-term”, is an integral part of culture of a human society. And such an important feature of culture as historical consciousness of an epoch defines its special type of organization of accumulated historical experience. The paper considers various interpretations of the phenomenon of memory in the fields of philosophy, psychology, philology, cultural studies. The main attention is paid to the concept of super-individual memory, understood as a continuous process during which a society is forming and maintaining its identity by means of various mechanisms of memorization of events in social consciousness and reconstruction of “the common past” each time proceeding from requirements of the present in corresponding actual perspective. Opposing both identification of history with memory or their absolute incompatibility, the author proposes to turn to complex analysis of rational, mental and emotional components of “the image of the past” and their alignment at different levels of its formation.

Keywords: event, social memory, historical memory, the past, culture, historical consciousness, identity.

Repina Lorina P., Doctor of Science (History), Professor, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Vice-Director of the Institute of World History, 32a, Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia, lorinarepina@yandex.ru.

Произошедшие на рубеже веков изменения в содержании и методологии социально-гуманитарного знания, развитие и углубление междисциплинарных связей привели к радикальной перестройке комплекса исследовательских полей, ориентированных на изучение человека и общества в историческом времени. В этом контексте на первый план выдвинулась социокультурная история с ее солидным корпусом работ, нацеленных на анализ исторических типов, форм, различных аспектов и казусов межкультурного взаимодействия, на изучение проблем индивидуальной и коллективной идентичности, соотношения времени, истории и памяти. Пожалуй, самое заметное место среди новых междисциплинарных направлений заняла «история памяти», которая вскоре обрела и более высокий статус «новой парадигмы» [Эксле, 2001]², а сама эпоха «ускорения истории» получила выразительные определения – «мемориальная эпоха», «мировое господство» и «всемирное торжество памяти» [Нора, 2005, с. 202–208].

Диалог с прошлым – постоянный и динамический фактор развития любой цивилизации, и историческая память, как «короткая», охватывающая события непосредственного прошлого, так и «опосредованная», «долговременная», является неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества, хотя каждая эпоха отличается присущим ей способом и формами организации, структурирования и интерпретации накопленного исторического опыта, складывающимися в общественном сознании образами прошлого. Представления о прошлом варьируются в зависимости от исторического времени, от происходящих в обществе перемен, смены поколений, появления новых потребностей, практик и смыслов [Репина, 2014b]. Новые события, которыми беспрестанно «прирастает» прошлое, создают – в комбинации со старыми – его новые образы, и это «новое прошлое»³, запечатленное в историческом сознании, присутствует в настоящем и активно на него воздействует.

Нельзя забывать также о том, что выбор индивида на пересечении идентичностей делается каждый раз в конкретной ситуации, а социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего. Социокультурные факторы длительной временной протяженности и краткосрочные исторические ситуации образуют подвижный контекст, в котором образы уходящей реальности взаимодействуют со старыми мифологемами, способными актуализироваться в новых исторических обстоятельствах или, напротив, вытесняют их, подвергая забвению. Множественность идентичностей, наличие конкурентных версий исторической памяти, альтернативных воспоминаний даже об одних и тех же событиях и существование разных моделей

---

² Здесь можно вспомнить и о том, что Френсис Бэкон, согласно его классификации знания «по методу», назвал историю «наукой памяти». См.: [Бэкон, 1977–1978, т. 1, с. 149–150].

³ Вальтер Беньямин уподоблял этот процесс трансформации социальной памяти литературному монтажу, приему сборки изъятых из контекста фрагментов текстов в новый рассказ о событии, герое или явлении. См.: [Benjamin, 1974–1989, В. I, S. 695].

интерпретации требуют самого пристального внимания исследователей. Особенно ярко противоречивые и даже конфликтующие «образы прошлого», вне зависимости от «привязки» отображаемых в них событий к хронологической шкале, проявляются в периоды крупных и стремительных социальных сдвигов, радикальных реформ, войн, революций⁴. Крупные социальные сдвиги, политические катаклизмы дают мощный импульс к изменениям в восприятии образов и оценке значимости исторических лиц и исторических событий: идет процесс трансформации коллективной памяти, который захватывает не только «живую» социальную память, память о пережитом современниками и участниками событий, но и глубинные пласты культурной памяти общества, сохраняемой традицией и обращенной к отдаленному прошлому. При этом из бесконечного ряда событий «выбирается» только актуально значимое, то, что служит опорой идентичности.

Именно в такие «смутные времена» общественных трансформаций происходят существенные изменения в привычном порядке сочленения прошлого, настоящего и будущего, того «режима историчности», который, как подчеркивает предложивший это понятие Франсуа Артог [Hartog, 2003], фиксирует отношения того или иного общества со временем («разворачивание временного порядка» и помогает ответить на вопросы: «имеем ли мы дело с забытым прошлым или с прошлым, слишком часто актуализируемым; с будущим, которое почти исчезло с горизонта, или с будущим, скорее угрожающим нам своим неизбежным приближением; с настоящим, беспрестанно тонущим в сиюминутности или почти статичным и бесконечным, если не вечным?» [Артог, 2008].

В социологии, социальной и культурной антропологии, этнологии, социальной психологии представления о механизмах выработки общих значений и смыслов в процессе межличностной коммуникации, о социальной обусловленности индивидуального мышления и индивидуальной памяти, о влиянии когнитивных схем, принятых в данном обществе и воспринимаемых и усваиваемых человеком в процессе общения, имеют достаточно устойчивую традицию. Процесс интеграции индивидуальных воспоминаний в структуры коллективной памяти связывается с наличием ее предметного инструментария и с «живой» традицией, поддерживаемой актами коммеморации.

Согласно М. Хальбваксу, память является социальной конструкцией, которая исходит из настоящего и понимается не как сумма отдельных воспоминаний, а «как коллективное культурное произведение, которое саморазвивается под влиянием семьи, религии и социальной страты через структуры языка, обряды повседневной жизни и разграничение пространства. Она конституирует систему социальных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям» [Гири, 2005, с. 116; см. также: Lavabre, 2000]. Ян Ассман точно подметил близость понятия

---

⁴ Подробнее об этом см.: [Репина, 2014а]. См. также: [Кризисы переломных эпох... 2011].

«социальных рамок», введенного Хальбваксом [Хальбвакс, 2007], и теории фреймов, организующих повседневный опыт [см.: Гофман, 2003]. Как и многие другие критики концепции коллективной памяти, Ассман выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления (пусть и метафорического) понятий «групповая память» и «память нации» [Ассман, 2004, с. 37]. Вместе с тем разработанная им на материале древних культур теория культурной памяти в целом построена на том же методологическом фундаменте. В этой теории коммуникативная память возникает в отношениях повседневной жизни между всеми членами данного сообщества, а культурная память, имеющая носителей, облеченных особым социальным статусом⁵, предстает как особая символическая, сакрализованная форма передачи и актуализации культурных смыслов⁶, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, и понимается как непрерывный процесс, в котором социум формирует и поддерживает свою идентичность посредством реконструкции своего прошлого⁷. Смена схем организации исторического опыта происходит тогда, когда социум сталкивается с действительностью, не укладывающейся в рамки привычных представлений, и, следовательно, требуется переосмысление прошлого опыта (реорганизация исторической памяти о событиях минувшего, пересоздание целостного образа прошлого). Важно отметить, что культурная память, по Ассману, имеет «реконструктивный характер», то есть имплицитированные в ней ценностные идеи, равно как и все транслируемое ею «знание о прошлом», непосредственно связаны с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни группы⁸.

Тема сложившихся стереотипов сознания и традиций (от семейных и устных до национально-государственных и историографических) занимает важное место в различных концепциях надындивидуальной (коллективной) памяти, в структуре которой каждое изменение стереотипа («образа прошлого») репрезентирует напряженность между старым и новым. Представления о прошлом неизменно определяются ценностными мерками настоящего, а лежащая в основании традиции память оказывается чувствительной к социальной ситуации и политическому моменту [Хаттон, 2004, с. 249, 255]. Обращение же к памяти, «вероятно, возникает только тогда, когда начинает ощущаться неадекватность объективно существующих опор данной традиции» [Мегилл, 2007, с. 149].

---

⁵ Будь то шаманы, жрецы, барды, писатели или ученые – существенным моментом их статуса является специализация в сфере «производства», хранения и передачи культурной памяти.

⁶ В культурной памяти прошлое «сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман, 2004, с. 54].

⁷ См. также исследование Алейды Ассман о «рамках памяти» [Assman A., 1999].

⁸ Именно Я. Ассман обосновал задачи и возможности нового научного направления – «истории памяти» (*Gedächtnisgeschichte*), которая, в отличие от собственно истории, занимается не изучением прошлого как такового, а того прошлого, которое осталось в воспоминаниях – в традиции (историографической, литературной, иконографической и т. д.). И цель изучения «истории памяти» – не в том, чтобы вычленил из этой традиции «историческую правду», а в том, чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти. См.: [Эксле, 2001].

Коллективная память в трудах М. Хальбвакса, а позже в работах Пьера Нора и его единомышленников [Нора, 1999]⁹, соотносится с пониманием *публичной* памяти – «социального продукта, возникшего в результате селекции, интерпретации и определенного искажения (погрешности) относительно фактов прошлого» [Брагина, 2007, с. 229], а также с *официальной* памятью как продуктом манипулирования власти. Поль Рикёр, исходя из возможности «связать явные злоупотребления памятью с последствиями искажения, имеющими место на феноменальном уровне идеологии», развивает эту посылку следующим образом: «На этом очевидном уровне навязанная память подкрепляется самой “дозволенной” историей – историей официальной, историей прирученной и публично восславленной. На деле практикуемая память – это, если иметь в виду институциональный план, память которой обучили; принудительное запоминание, таким образом, *действует в интересах воспоминания событий общей истории, признанных основополагающими для общей идентичности* (курсив мой. – Л.Р.)» [Рикёр, 2004, с. 125].

Рассматривая проблематику соотношения между индивидуальной и коллективной памятью в контексте трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, П. Рикёр поставил вопрос: «позволяет ли распространение трансцендентального идеализма на сферу intersubjectivity открыть путь к феноменологии совместной памяти?» [Рикёр, 2004, с. 165]. И отвечал на этот вопрос целой серией вопросов: «чтобы прийти к понятию совместного опыта, надо ли начинать с идеи “собственного”, затем переходить к опыту другого и потом совершать третью операцию, названную коммунитаризацией субъективного опыта? Действительно ли эта цепочка необратима?.. У меня нет на это ответа... Существует такой момент, когда надо переходить от “я” к “мы”. Но не является ли этот момент изначальным, новой исходной точкой?» [Рикёр, 2004, с. 166–167]. П. Рикёр делает вывод о том, что, перенося на intersubjectivity всю тяжесть конституирования коллективных сущностей, важно только никогда не забывать, что лишь по аналогии с индивидуальным сознанием и памятью и по отношению к ним *можно видеть в коллективной памяти средоточие следов, оставленных событиями* (курсив мой. – Л.Р.), сказывающимися на ходе истории соответствующих групп, и что за этой памятью следует признать способность обращения к общим воспоминаниям в случае празднеств, ритуалов, публичных торжеств. Если признается законным перенос по аналогии, ничто не запрещает нам считать высшие intersubjective сообщества субъектом присущих им воспоминаний...» [Рикёр, 2004, с. 167–168].

Проанализировав вслед за этим широко обсуждаемую концепцию коллективной памяти М. Хальбвакса, Рикёр приходит к «негативному заключению»: «ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов», и вполне резонно

---

⁹ Об обсуждении в этой связи проблематики исторического события см.: [Чеканцева, 2014].

предлагает «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических по отношению друг к другу подходах...» [Рикёр, 2004, с. 174]. В поисках такой сферы, где оба дискурса могли бы найти точки соприкосновения, он обращается к феноменологии социальной реальности, делая акцент «на формировании социальной связи в рамках отношений взаимодействия и идентичности, созданной на этой основе» [Рикёр, 2004, с. 183], и переносит дискуссию на границу между коллективной памятью и историей. По мнению философа, именно история может предложить «схемы опосредования между крайними полюсами индивидуальной и коллективной памяти» [Рикёр, 2004, с. 184]. Рикёр сделал также и чрезвычайно продуктивное предположение о существовании «между двумя полюсами – индивидуальной и коллективной памятью – промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим», а именно: план динамических отношений с близкими, располагающимися на разных дистанциях между «я» и другими. В этой коммуникации и обнаруживается соотношение индивидуальной и коллективной памяти.

Источники и каналы формирования исторической памяти разнообразны, они, разумеется, не ограничиваются межличностным общением, воздействием социальной среды и «культурным запасом». Она включает мощный пласт личностных восприятий, переживаний и представлений, индивидуальных интерпретаций опыта относительно недавнего прошлого (прежде всего на событийном уровне), составляя основу «живой памяти» индивида. При этом надо учитывать множественность индивидуальных историй: каждый отдельно взятый человек «в какой-то момент своей жизни со всей определенностью осознает, что он историчен, что его собственная история тесно связана с историей той группы, в которой он жил и живет» [Эксле, 2004, с. 88].

В российском социально-гуманитарном пространстве мемориально-исторические исследования также приобрели большую популярность¹⁰. В целом, разнообразный материал сложившегося на сегодняшний день весьма представительного корпуса «мемориальных исследований» красноречиво свидетельствует о самой тесной связи восприятия исторических событий, самого образа прошлого и отношения к нему – с явлениями социальными (в широком смысле этого слова). Появилось немало интересных конкретных исследований в этой области, нацеленных главным образом на описание социально и культурно дифференцированных символических «образов прошлого», или комплексов обыденных (массовых) представлений о прошлом («картины» прошлого, по аналогии с ментальной «картиной мира» и в качестве одной из базовых составляющих последней). Между тем проблема соотношения мировоззренческого, ценностного, психологического и прагматического аспектов формирования, реорганизации и трансформации образов прошлого

---

¹⁰ Подробно об этом см.: [Леонтьева, 2015; Леонтьева, Репина, 2015].

является в этих исследованиях маргинальной или вовсе остается за кадром. В этом плане стоит обратить внимание на аргументы, приведенные А.А. Линченко в предпринятом им философско-историческом анализе исторического сознания [Линченко, 2014]. Рассматривая социальную память и историческое сознание как «динамичные системы, представляющие собой не только непосредственные знания о прошлом, но и постоянные процессы их реконфигурации, зависящие от контекста социальной среды и деятельности, полей и средств передачи памяти», автор напоминает о том, что «было бы ошибкой однозначно разводить социальную память и историческое сознание по линии “рациональное – иррациональное”», поскольку в них присутствуют, хотя и в разной мере, и то, и другое [Линченко, 2014, с. 199].

Как правило, задача комплексного анализа рациональной, ментальной и эмоциональной составляющих того или иного «образа прошлого» и их относительной роли в его формировании даже не ставится, хотя все эти компоненты «социального конструирования исторической преемственности» или, напротив, «исторического дисконтинуитета» [Zerubavel, 1997; 2003] требуют внимания не только философов и социологов, но и историков.

«Реконструкция» представлений об общем прошлом в любой данный момент предстает как отражение не столько имевших некогда место реальных событий, сколько нужд и потребностей общества в настоящем. Концептуализация прошлого в форме социальных стереотипов, складывающихся в результате коммуникаций между людьми, определяет и возможности манипуляции индивидуальными «воспоминаниями» со стороны властных институтов, даже с учетом того, что рядом с культурно-историческими символами и социальными стереотипами «коллективной памяти» могут существовать противоречащие им личные убеждения и конкурентные версии прошлого [Gedi, Elam, 1996].

Сегодня историки особенно активно изучают различные аспекты «использования прошлого», а «историческая память» главным образом связывается с понятием «политика памяти», или «историческая политика», с анализом (в case studies разноразмерной локализации) роли политического заказа в формировании и закреплении конкретных знаний о прошлом для обеспечения определенных социально-политических задач. В этой связи Харальд Вельцер представил память как «арену политической борьбы» [Вельцер, 2005].

Гораздо меньше внимания уделяется другой ключевой проблеме. Речь идет о многоуровневом характере индивидуальной памяти, которая включает в себя персональный, социокультурный и исторический планы и наряду с собственным жизненным опытом индивида подразумевает приобщение к опыту социальному и его присвоение, в результате чего отдаленные в пространстве и времени «факты» – события истории включаются в индивидуальное сознание¹¹, а посредством

---

¹¹ Обращаясь к этой проблеме в несколько иной методологической перспективе, Ю.М. Лотман заметил:

фиксации, переработки, распространения и трансляции приобретенного социального опыта обеспечивается связь между поколениями, при том что в результате смены поколений изменяется содержание коллективной памяти. Особое значение имеет сопоставление воспоминаний о крупных исторических событиях: а) «первого поколения», пережившего события в сознательном возрасте; б) «второго поколения» («отцов» и «детей» в буквальном или фигуральном смысле) и в) «третьего поколения»; т.е. памяти смежных поколений, по-разному воспринимающих и оценивающих одни и те же события. При всей условности выражение «память поколения» имеет содержательную сторону, отражающую некую общность культурно-исторического опыта, организованную вокруг ключевого для этого поколения события [Нуркова, 2001, с. 22–23].

И все же важнейшим, на мой взгляд, остается вопрос о динамике памяти о социальном прошлом как содержательной стороне исторического сознания, поскольку исследователей интересует не только актуальное его содержание, но и сам процесс происходящих изменений (идет ли речь о механизмах формирования индивидуальной или коллективной памяти)¹².

С точки зрения семиотики, именно пространство культуры определяется как пространство общей (и притом внутренне разнообразной) памяти, единство которой обеспечивается, прежде всего, наличием некоторой совокупности константных текстов. О том или ином событии помнят только тогда, когда оно размещается в концептуальных структурах, определенных сообществом. Н.Г. Брагина в книге «Память в языке и культуре», представляя память как самоорганизующуюся и самонастраивающуюся систему функционирования фрагментов личного и социального прошлого [Брагина, 2007, с. 159], справедливо отметила, что «введение памяти в социальный контекст способствовало появлению нового метафорического значения слова». Переводя методологию и метаязык историков и философов на язык лингвистики, она провела аналогию исследования разных типов коллективной памяти с «лингвистическим анализом внутренней формы языковых единиц, их этимологии, процессов метафоризации, реконструкции образного основания фразеологизмов» [Брагина, 2007, с. 237]. Изучив формы и способы употребления концепта *память* в разных типах дискурса, Н.Г. Брагина выделила различия между *личной* и *коллективной* (как не являющейся личной) памятью, а также между коллективной (как относящейся к разным социальным группам) и *общественной* памятью (соотносимой с *народной памятью* и связанной в первую очередь с коммеморативными

«Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти» [Лотман, 1996, с. 344–345].

¹² Ср.: «...сознание является одновременно историческим, потому что оно формируется за счет прошлого, и совершенно актуальным, ибо оно ежесекундно неотвратимо изменяется. Здесь нет прежних и еще более ранних слоев, так как память не носит характера резервуара, хранящего воспоминания в ненарушенном состоянии, но является активным элементом сознания, извлекающим опыт прошлого из самой что ни на есть актуальной перспективы и исключительно для текущих потребностей» [Вернер, 2007, с. 45].

практиками). Таким образом, понятие коллективной памяти употребляется в двух разных значениях.

В общем, прошлое как бы делится на два потока: уникальное прошлое Я (биографическое прошлое) и прошлое Мы (историческое прошлое группы). С другой стороны, современной гуманитарной науке свойственно внимание к культуре как к контексту, способу и результату человеческой жизнедеятельности (по принципу «нет человека вне культуры и культуры вне деятельности»). В оригинальной концепции В.В. Нурковой, системно представляющей взаимосвязь структурно-функциональных характеристик автобиографической памяти с закономерностями развития и регуляции культуры, особое внимание уделено репрезентации и актуализации социально-исторического прошлого в индивидуальных воспоминаниях о событиях [Нуркова, 2008; 2009]. В.В. Нуркова исследовала, как самосознание личности приобретает историческое измерение в соотношении с общезначимыми событиями, описала роль и функционирование исторического компонента в индивидуальной автобиографической памяти, которая укоренена в культурных формах поведения, разделяемых людьми и опосредованных специфическими символическими системами и практиками и представляет собой сплав социокультурных и индивидуально-личностных смыслов. Речь идет о наличии в автобиографической памяти присвоенного исторического опыта предшествующих поколений, а также о том, что «механизм перехода от обладания семантическим историческим знанием к активному формированию исторической памяти в статусе живого опыта заключается в создании условий для *деятельностного присвоения исторического знания* (курсив мой. – Л.Р.)» [Нуркова, 2009, с. 33]. Выдвинутая и проработанная В.В. Нурковой гипотеза о качественно различных психологических позициях субъекта – носителя исторической памяти по отношению к тому или иному историческому событию («Участник», «Очевидец», «Современник», «Наследник») [Нуркова, 2009, с. 32] способна обогатить исследовательский арсенал исторического исследования сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, с учетом выделенных моделей могут быть расширены возможности источниковедческого анализа разнообразных и зачастую фрагментарных автобиографических нарративов, жанровая типология которых не исчерпывается полномасштабными автобиографическими литературными памятниками. Во-вторых, выявленные автором различные механизмы включения исторически значимых событий в индивидуальную историческую память и их переживания как фактов личной биографии позволяют яснее представить возможные критерии достоверности исторических сведений и роль исторического контекста в используемых историками разнородных текстах автобиографического характера: от так называемых «модельных» (или «канонических») до вполне рядовых. Наконец, чрезвычайно важными для собственно историко-мемориальных и историографических исследований представляются проведенные эксперименты и развернутые наблюдения В.В. Нурковой относительно особенностей переживания исторических событий отдаленного и недавнего прошлого с позиции «Наследника», имеющие равную ценность как с точки зрения изучения индивидуальной, так и коллективной (социальной) исторической памяти.

Развернутое обоснование и теоретическую разработку синтетического подхода можно найти в работах А.И. Макарова, который специально исследовал феномен надындивидуальной (трансперсональной) памяти и историю его концептуализации [Макаров, 2009]¹³. Термин «надындивидуальная память» обладает более широким объемом, чем понятие «культурная память» или «коллективная память»: в его содержании «объединяются социальный, культурный и историко-генетический аспекты внешнего контроля над сознанием индивида» [Макаров, 2009, с. 9]. Это понятие к тому же прямо указывает на дихотомию индивидуальное/надындивидуальное, которая является центральной для концептуализации проблемы памяти.

Следуя концепциям М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, А.И. Макаров утверждает, что «память личности человека шире его индивидуальной памяти»: «Сознание и память индивида не находятся в изоляции от знаний, которыми обладают или когда-то обладали другие люди. Благодаря общению между людьми и традиции как коммуникации между поколениями, знания способны накапливаться и храниться. Это – бесценный запас всеобщего опыта. Рождаясь, входя в общение с Другими, погружаясь в язык, человек становится проводником знания (образов, понятий, схематизмов мышления), накопленного его референтной группой... Если же допустить, что человеческие сообщества тоже способны вступать в обмен знаниями с другими группами, то групповая память вливается в некую общегрупповую надындивидуальную память» [Макаров, 2009, с. 10]. Речь идет о социальной обусловленности механизмов восприятия и осмысления действительности, что и придает сознанию и памяти надындивидуальное измерение. Сам же феномен социальности в контексте надындивидуальной памяти неразрывно связан, по Макарову, с коммуникативной функцией культуры [Макаров, 2009, с. 25], в символической среде которой происходит передача информации и, благодаря языку, возникает «поле единого, общепонятного и поэтому передаваемого от поколения к поколению опыта» [Макаров, 2009, с. 40]. Надындивидуальная память, выполняя социально-интегративную функцию, «выступает обязательным условием конституирования семиотической реальности... символами синхронных (между современниками) и диахронных (между предками и потомками) связей между людьми» [Макаров, 2009, с. 44]¹⁴. А.И. Макаров справедливо подчеркивает, что знание о надындивидуальном измерении памяти становится всё более и более значимым для человечества,

---

¹³ А.И. Макаров рассматривает перипетии концептуализации феномена памяти в более широком интеллектуальном контексте: он подчеркивает, что сегодня благодаря психологическим теориям более известна идея о том, что память принадлежит индивиду, но обращает внимание на то, что эта идея появилась в европейской культуре только в XVII в., и лишь очень постепенно в науке монополично утвердился индивидуалистический психофизиологический подход к изучению памяти.

¹⁴ В свое время весьма образно представил эту диахронную символическую связь У. Уорнер: «В известном смысле человеческая культура есть символическая организация сохраняемых памятью переживаний мертвого прошлого, по-новому ощущаемых и понимаемых здравствующими членами коллектива. Присущая человеку личная смертность и относительное бессмертие нашего биологического вида превращают подавляющую часть нашей коммуникации и коллективной деятельности, в самом широком смысле, в грандиозный обмен между живыми и мертвыми» [Уорнер, 2000, с. 8].

вследствие увеличения искусственного слоя окружающей человека среды, что привело к тому, что память всё больше стала зависеть не от природы, а от информационной среды, от культуры социума. Ныне технический прогресс обеспечивает каждому члену общества память, которой никто никогда не был наделен лично [Макаров, 2010, с. 36; см. также Макаров, 2007].

Напомним, кстати, что, объясняя современный всплеск интереса к памяти, Я. Ассман выделял в качестве одного из важных факторов появление искусственной памяти – новых электронных средств внешнего хранения информации [Ассман, 2004, с. 11]. В когнитивистике «память» обозначает способность кодировать, хранить и воспроизводить информацию. Информационно-кибернетический подход поставил задачу создания новой эпистемологии, в которой все психические процессы отождествляются с обработкой разумом информационных потоков [Бейтсон, 2000, с. 259].

Сопоставив авторитетные социально- и культурно-ориентированные трактовки феномена памяти, получившие широкое освещение в научной литературе, с концептуальными разработками российских ученых в области философии, психологии, филологии, культурологии, можно сделать следующие выводы. Конфликт между двумя основными типами концептуализации феномена надындивидуальной памяти (либо как пространства общего социального опыта, имеющего трансцендентную природу, либо как конструкта индивидуального сознания, порождаемого прагматическими потребностями той референтной группы, к которой принадлежит индивид) переводится в комбинацию двух комплементарных тенденций, отражающих диалектические моменты процесса социализации личности: «тенденции на *интериоризацию* коллективной памяти индивидуальным сознанием и тенденции на *экстериоризацию* индивидуальной памяти в обществе» [Макаров, 2009, с. 188].

К сожалению, как мне представляется, в «историографии памяти» пока не удалось выразительно показать развитие этих тенденций на конкретном материале, предметно раскрыть диалектику формирования и деконструкции образов прошлого в индивидуальной и культурной памяти, мифологизации и демифологизации событий, героев и явлений прошлого, причем не только в массовых представлениях, но и в профессиональном сознании, в исторической культуре той или иной общности, страны или эпохи. Также не удалось в полной мере реализовать эвристический потенциал установки на анализ «образов-воспоминаний», образов исторических событий, всего арсенала символов исторической памяти как особой формы познания прошлого. Речь идет, в частности, о двух уровнях «истории памяти»: с одной стороны, как познания объектов, а с другой – как рефлексии относительно условий этого познания¹⁵.

---

15 Эта «ипостась» культурной памяти была в свое время особо отмечена О.Г. Эксле в его анализе концепции Я. Ассмана: «Ведь “культурная память” не только предмет познания: и в науке и за ее пределами – “в жизни” – она одновременно еще и форма познания» [Эксле, 2001, с. 180].

Нельзя не согласиться с тем, что, память «черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств» [Про, 2000, с. 319]. Однако социальная память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании. При этом, несмотря на целую цепь опосредований (прояснение концептов и аргументов, определение спорных положений, отбрасывание готовых решений и пр.) «память остается матрицей для истории, даже когда история превращает ее в один из своих объектов» [Рикёр, 2002, с. 41].

Рассматривая в прагматическом ключе механизмы сохранения и передачи исторической памяти, социальное бытование представлений о прошлом и «нарративов идентичности», нельзя забывать о когнитивной роли исторической памяти, что предполагает принципиальную исследовательскую установку на синтез прагматического и когнитивного подходов к ее изучению. ►

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 3(59). С. 19–38.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. 476 с.
- Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
- Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // *Соч.* в 2 т. М.: «Мысль», 1977–1978.
- Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3(40–41). С. 28–35.
- Вернер В. Какое сознание имеет исторический характер // *История и современность*. 2007. № 2. С. 26–60.
- Гири П. История в роли памяти? // *Диалог со временем*. 2005. Вып. 14. С. 106–120.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. 336 с.
- Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // *Диалог со временем*. 2015. Вып. 50. С. 59–96.
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // *Электронный научно-*

- образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 9(42). URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (дата обращения: 11.01.2016).
- Линченко А.А. Целостность исторического сознания: вопросы истории и методологии. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. 248 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.
- Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус: автореф. дис. ... д. философ. н. СПб., 2010. 38 с.
- Макаров А.И. Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 6–18.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», 2007. 480 с.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–51.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). С. 202–208.
- Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–25.
- Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки. История как культурный конструкт. М., 2001. С. 20–34.
- Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. ... д-ра психолог. наук. М.: МГУ, 2009. 50 с.
- Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 336 с.
- Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206–231.
- Репина Л.П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 28–43.
- Рикёр П. Историописание и репрезентация прошлого // «Анналы» на рубеже веков. Антология. М.: XXI век; Согласие, 2002. С. 23–41.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
- Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 666 с.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 424 с.
- Чеканцева З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 16–30.
- Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84–110.

- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей. Человек в истории* – 2001. М.: Наука, 2001. С. 176–198.
- Assman A. *Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München: C.H. Beck, 1999. 424 s.
- Benjamin W. *Über den Begriff der Geschichte // Gesammelte Schriften*. 7 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974–1989.
- Gedi N., Elam Y. *Collective memory – What is it? // History and Memory*. 1996. Vol. 8. No. 1. P. 30–50.
- Hartog F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. P.: Seuil, 2003. 260 p.
- Lavabre M.-C. *Usages et mésusages de la notion de la mémoire // Critique Internationale*. 2000. Vol. 7. P. 48–57.
- Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 180 p.
- Zerubavel E. *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997. 176 p.

REFERENCES

- Hartog F. *Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti* [The order of times, regimes of historicism], in *Neprikosnovennyi zapas*. 2008. № 3(59). P. 19–38. (in Russian).
- Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory and early civilization: writing, remembrance, and political imagination]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 p. (in Russian).
- Bateson G. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology]. Moscow, 2000. 476 p. (in Russian).
- Bragina N.G. *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 520 p. (in Russian).
- Bacon F. *O dostoinstve i priumnozhenii nauk* [The dignity and advancement of science], in *Sochineniya v. 2 t*. Moscow: "Mysl", 1977–1978 (in Russian).
- Welzer H. *Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by* [History, memory and the contemporaneity of the past. Memory as the political battlefield], in *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2005. № 2–3(40–41). P. 28–35 (in Russian).
- Werner W. *Kakoe soznanie imeet istoricheskii kharakter* [What consciousness has historical character], in *Istoriya i sovremennost'*. 2007. № 2. P. 26–60 (in Russian).
- Geary P. *Istoriya v roli pamyati?* [History as a memory?], in *Dialog so vremenem*. 2005. Vol. 14. P. 106–120 (in Russian).
- Goffman E. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of experience] / pod red. G.S. Batygina i L.A. Kozlovoi; vstup. stat'ya G.S. Batygina. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2003. 752 p.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati [Crises of crunch eras in historical memory] / pod red. L.P. Repinoi. Moscow: IVI RAN, 2011. 336 p.

Leont'eva O.B. "Memorial'nyi povorot" v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke ["Memorial turn" in the contemporary Russian historical science], in *Dialog so vremenem*. 2015. Vol. 50. P. 59–96.

Leont'eva O.B., Repina L.P. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i "istoriografiya pamyati" v sovremennoi Rossii [Images of the past, memorial paradigm and "History of memory" in contemporary Russia], in *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 2015. Vol. 6. Issue 9(42). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (accessed 11 January 2016) (in Russian).

Linchenko A.A. Tselostnost' istoricheskogo soznaniya: voprosy istorii i metodologii [The wholeness of historical consciousness: issues of history and methodology]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2014. 248 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Within the thinking worlds; man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russskoi kul'tury, 1996. 464 p. (in Russian).

Makarov A.I. Fenomen nadyindividual'noi pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya) [Phenomenon of supra-individual memory (images – concepts – reflection)]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009. 216 p. (in Russian).

Makarov A.I. Fenomen nadyindividual'noi pamyati: strategii kontseptualizatsii i ontologicheskii status [Phenomenon of supra-individual memory: strategies, conceptualizations and ontological status]. Avtoref. diss. d. filosof. n. St-Petersburg, 2010. 38 p. (in Russian).

Makarov A.I. Obraz Drugogo kak obraz pamyati (Metodologicheskie aspekty problemy reprezentatsii proshlogo) [Image of Another as image of the past], in *Dialog so vremenem*. 2007. Vol. 18. P. 6–18 (in Russian).

Megill A. Istoricheskaya epistemologiya [Historical Knowledge, Historical Error] Moscow: "Kanon+", 2007. 480 p. (in Russian).

Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World triumph of memory], in *Neprikosnovennyi zaspos*. 2005. № 2–3(40–41). P. 202–208 (in Russian).

Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problematics of realms of memory], in *Frantsiya – pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; per. s fr. D. Khapaevoi*. St-Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1999. P. 17–51 (in Russian).

Nurkova V.V. Analiz fenomenov avtobiograficheskoi pamyati s pozitsii kul'turno-istoricheskogo podkhoda [The analysis of phenomena of autobiographical memory viewed from cultural-historical approach], in *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2008. № 1. P. 17–25. (in Russian).

Nurkova V.V. Istoricheskoe sobytie kak fakt avtobiograficheskoi pamyati [Historical event as fact of autobiographical memory], in *Vobrazhaemoe proshloe Ameriki. Istoriya kak kul'turnyi konstrukt*. Moscow, 2001. P. 20–34 (in Russian).

Nurkova V.V. Kul'turno-istoricheskii podkhod k avtobiograficheskoi pamyati [Cultural-historical approach to autobiographical memory]. Avtoref. diss. d. psikholog. n.). Moscow: MGU, 2009. 50 p. (in Russian).

Prost A. Dvenadtsat' urokov po istorii [Twelve lessons about history]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2000. 336 p. (in Russian).

- Repina L.P. Sotsial'nye krizisy i kataklizmy v istoricheskoi pamyati: teoriya i praktika issledovaniy [Social crises and cataclysms in historical memory: theory and practice of researches], in *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2008–2013 god.* Moscow: Nauka, 2014. P. 206–231 (in Russian).
- Repina L.P. Temporal'nye kharakteristiki istoricheskogo soznaniya (o dinamicheskom komponente «istorii pamyati») [Temporal characteristics of historical consciousness (about a dynamic component of the "history of memory")], in *Dialog so vremenem.* 2014. Vol. 49. P. 28–43 (in Russian).
- Ricœur P. Istoriopisanie i reprezentatsiya proshlogo [History writing and representation of the past], in "Annaly" na rubezhe vekov. Antologiya. Moscow: XXI vek; Soglasie, 2002. P. 23–41. (in Russian).
- Ricœur P. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, forgetting]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 p. (in Russian).
- Rüsen J. Krizis, travma i identichnost' [Crisis, trauma and identity], in *Tsep' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya / otv. red. L.P. Repina.* Moscow: IVI RAN, 2005. P. 38–62 (in Russian).
- Warner W. Zhivye i mertvye [The living and the dead]. Moscow; St-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. 666 p. (in Russian).
- Halbwachs M. Sotsial'nye ramki pamyati [The social frameworks of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (in Russian).
- Hutton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an art of memory]. St-Petersburg: "Vladimir Dal", 2004. 424 s. (in Russian).
- Chekantseva Z.A. Mezhdru Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste refleksivnogo povorota po-frantsuzski [Between the Sphinx and the Phoenix: a historical event in the context of reflexive turn in French], in *Dialog so vremenem.* 2014. Vol. 48. P. 16–30 (in Russian).
- Eksle O.G. Istorigeskaya nauka v postoyanno menyayushchemsya mire [Historical science in permanently changing world], in *Dialog so vremenem.* 2004. Vol. 11. P. 84–110 (in Russian).
- Eksle O.G. Kul'turnaya pamyat' pod vozdeistviem istorizma [Cultural memory under the influence of historicism], in *Odissei. Chelovek v istorii – 2001.* Moscow: "Nauka", 2001. P. 176–198 (in Russian).
- Assman A. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: C.H. Beck, 1999. 424 s.
- Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte, in *Gesammelte Schriften.* 7 Bände. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974–1989.
- Gedi N., Elam Y. Collective memory – What is it? in *History and Memory.* 1996. Vol. 8. No. 1. P. 30–50.
- Halbwachs M. La mémoire collective. Paris: PUF, 1950. 204 p.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 260 p.
- Lavabre M.-C. Usages et mésusages de la notion de la mémoire, in *Critique Internationale.* 2000. Vol. 7. P. 48–57.
- Warburg A.M. Ausgewählte Schriften und Würdigungen. Baden-Baden: Verlag V. Koerner, 1980. 619 S.

Zerubavel E. *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997. 176 p.

Zerubavel E. *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 180 p.